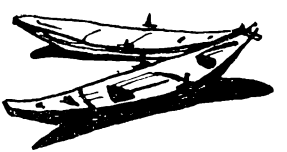
Р2
Н62

Александр Никифоров

ПОКЛОН ВОЛГЕ

Александр Никифоров

ПОКЛОН ВОЛГЕ



ИЗБРАННЫЕ СТИХИ И ПОЭМЫ

Саратов
Приволжское книжное издательство
1987

84Р7
Н62

Рецензент: **И. Малохаткин,**
член Союза писателей СССР.

Никифоров А. М.
Н62 Поклон Волге: Избранные стихи и поэмы.— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1987. — 80 с.

Книга стихов ушедшего от нас поэта, ульяновца по происхождению. Большинство произведений связано с Волгой, на берегах которой прошли детство и юность их автора. Особый раздел составили три поэмы: «Сосна», «Вязовка» и «Кереметь-гора». Последняя посвящена Анне Алексеевне — матери прославленного космонавта Андрияна Николаева.

Н $\frac{4702010200—17}{153(03)—87}$ **44—87** **84Р7**

© Приволжское книжное издательство, 1987 г.

ПЕВЕЦ ВОЛГИ

Александр Михеевич Никифоров прожил большую, интересную жизнь. Ему было о чем рассказать своим читателям. Родившись в 1916 году тринадцатым ребенком в бедной крестьянской семье, Саша в детстве испытал горькую нужду и тяжкий труд.

Большой отрезок моей жизни был связан с Александром Никифоровым. Годы детства и юности мы шли по жизни вместе, плечо к плечу. Наше детство прошло на Волге. в ужасающей бедности, в среде деревенских ребят, отчаянных и даровитых. Эта среда на всю жизнь определила характер и мироощущение поэта.

Никифоров не только очевидец, а живой участник тех событий на селе, когда в двадцатые годы зарождались первые пионерские организации.

В то далекое тяжелое время мы, первые пионеры, жили удивительной жизнью, делали много полезных дел: ставили спектакли в избе-читальне, обучали грамоте взрослых, выпускали стенные газеты.

Александр Никифоров с благодарностью, с душевным трепетом вспоминал потом то бурное время. О, пионерское детство! Героическое и шумливое прямодушие, неутомимая жажда социального подвига. Память о его деревенских соратниках по борьбе за новую жизнь всегда была священной для поэта. Не случайно он с особой теплотой писал о натурах добрых и отзывчивых, обладающих чувством человеческого достоинства, участливым отношением к чужой беде или радости.

Помнится, это было в тридцать седьмом году перед призывом в Красную Армию. Мы шли с Никифоровым из его родной Вязовки по берегу Волги в село Паньшино, чтобы еще раз посмотреть на те места, которые описал в своем романе «Ледолом» наш земляк Кузьма Яковлевич Горбунов.

Шли мы волжской поймой, где в детстве пасли сельское стадо. Тропиночка-заблуда петляла меж ольховника и краснотала. Широколистый пырей да белопенная, терпко пахнущая таволга скрывали нас почти с головой. Все тут было нам знакомо и дорого до слез. При виде знакомых с детства мест как-то особенно теплело на сердце. С шумом проламываясь сквозь чащу ольхи и седого ивняка, впереди меня шагал высокий, статный, красивый Александр Никифоров.

Он живо, с мельчайшими подробностями рассказывал то забавные, то грустные случаи из далекого босоногого детства, которое прошумело здесь, на этой волжской земле.

Именно об этой поре уже зрелый поэт напишет такие проникновенные строки в своей поэме «Вязовка»:

Ой, Вязовка родная!
Как он, твой краснотал?..
Я, тебя вспоминая
И тоскуя, мечтал:
Пошуршать бы осокой,
Побродить над рекой,
Тронуть каждый осокорь
Братски верной рукой.
Все роднее, все ближе
Мне цветы на лугу.
Детства радугу вижу —
Расписную дугу,
Ой, Вязовка, Вязовка,
Перелески, луга!
Ты тепла, как обновка,
И, как синь, дорога.

Сила воздействия этой поэмы огромна. Забыть ее невозможно. И каждый раз, когда ее перечитываешь, в душе звучат щемящие, светлые ноты...

Вскоре мы миновали небольшую деревеньку Каяновку. Тропа-береговушка вывела нас на длинный-предлинный увал, по которому рассыпались избы Услады (Паньшино). Стояло теплое августовское утро. Было тихо, торжественно. Солнце уже разгулялось, и на спокойной волжской глади играли солнечные блики. Мы подошли к обрывистому берегу. Вслушиваясь в мерное, глубокое дыхание Волги и всматриваясь из-под руки в речную даль, Александр Никифоров сказал своим певучим голосом:

— Вот здесь, на этом месте, герои «Ледолома» Анка и ее дед Назар разводили костер. Отсюда Анка каждый вечер ездила зажигать бакен. Хорошо знал волгарей Кузьма Яковлевич. Среди них вырос. А с какой любовью он описал Волгу. Вот послушай.— И Никифоров начал читать наизусть отрывок из романа «Ледолом»:

— «Волга разлилась без конца и края. На правой стороне она уперлась в крутой берег, глухо и упрямо бьет о камни и глиняные яры, слева — залилась в бесконечные леса. Если подняться на гору над Усладой и поглядеть на Волгу, то там, за лесом, увидишь ту же голубую воду, где-то на горизонте она сливается с небесами».

Это вот об этом месте сказано, где мы с тобой стоим. Удивительная точность. Да, знает и любит Кузьма Яковлевич Волгу. Но больше, пожалуй, любит и знает волгарей бедовых — людей особой породы, сильных, гордых, смелых. Как он о них здорово написал. Изумительно верно! Не зря же о его «Ледоломе» Максим Горький сказал: «Хорошая книга». Есть у меня задумка написать поэму о Волге и волгарях. Люблю я их. Ну и знать вроде знаю. Сам волгарь...

Мы о многом говорили и спорили тогда на берегу Волги: о стихах поэтов-волжан Виктора Багрова и Александра Ширяевца, о романе нашего земляка Федора Панферова «Бруски», об отважных челюскинцах и папанинцах. И там же, на Волге, Александр Михеевич прочитал свои стихи, посвященные летчику М. Водопьянову. При чтении он энергично взмахивал крупной, узловатой, натруженной рукой истинного волгаря.

После той памятной встречи много воды утекло в Волге. Судьба нас разбросала в разные концы страны. Александр Никифоров три года прослужил в армии на Дальнем Востоке. И едва успел демобилизоваться, как началась Великая Отечественная война, и он с первых дней ушел на фронт. Командовал отделением связистов, затем был литсотрудником армейской газеты. На фронте, между боями, в 1942 году вступил в ряды Коммунистической партии. Войну закончил в звании гвардии лейтенанта на Эльбе. Да и после войны снял шинель не сразу, а лишь в 1948 году.

Его родное село Вязовка Ульяновской области живописно расположено на высоком волжском берегу. Волга-матушка родила и выпестовала его как поэта, вдохнув в него свое неповторимое своеобразие. Трудные детские годы деревенской жизни Никифорова, кажется, не должны бы оставить в его душе ничего, кроме скорбной памяти о слезах и страданиях матери, о бесконечных лишениях семьи, потерявшей в голодный 1921 год отца. И тем не менее Александр Никифоров годы детства считал лучшим сроком своей жизни.

Он постигал мир, учась видеть больше, чем видели другие, отыскивал в этом сложном мире свое, ему нужное, близкое, тревожащее, волнующее его сердце, открытое добру и справедливости.

В ту трудную пору, когда на хрупкие плечи подростка легли непосильные мужские заботы и дела, порой казалось, что не сдюжит двенадцатилетний мальчишка, надорвется и сдаст. Нет, не сдал. Сумел выдюжить. И это пережитое в детстве трудное время глубоко запало в душу Александра Никифорова и воплотилось в поэме «Сосна» на другой, но родственной основе. А основа эта — военное лихолетье, когда женщины и подростки в тылу заменили мужчин и взвалили на свои плечи непосильный груз.

С этой поэмой Александр Никифоров в конце ноября 1956 года приехал из родной Вязовки в редакцию газеты «Ульяновская правда». И вот мы встретились с ним снова, почти через двадцать лет.

Широко шагая по редакционной комнате, Александр Михеевич, посверкивая внимательными глазами, светло улыбнулся и сказал:

— Свое слово я сдержал. Обещанную поэму написал. Слушай. — И он, налегая по-волжски на «о», начал читать поэму «Сосна» наизусть...

Не так уж часто, прочитав поэму современного автора, испытываешь чувство, будто расстался с близкими, дорогими людьми, которых знаешь уже давно. А вот героиня поэмы «Сосна» Ольга Николаевна для меня стала именно таким человеком. Расставаться с ней не хотелось.

Такой живой интерес к поэме, любовь к ее героине — факт примечательный. Он дорого стоит, о многом говорит. И прежде всего о том, что поэма Александра Никифорова «Сосна» воспринимается не только умом, но и сердцем. Вроде ничего особенного в биографии Ольги Николаевны нет. Женщина она обыкновенная, каких много. А вот читаешь про ее жизнь, и оторваться трудно. С такой подкупающей теплотой, с такой силой проникновения в человеческий характер повествует поэт о своей героине.

Все это делает для нас Ольгу Николаевну живым человеком, думающим, страдающим, надеющимся, радующимся. Читая поэму, незаметно для себя мы оказываемся вовлеченными в круг ее интересов и переживаний; горюем, надеемся, ненавидим, радуемся вместе с ней. Притягательность этой поэмы заключается в том, что жизнь главной героини схожа с тысячами других, подобных ей жизней. Потому-то так близки и понятны ее думы, поступки, чувства. В поэме все идет от жизни, от биографии автора. Картины быта, атмосфера деревни военных лет изображены поэтично, образно, емко, зримо и пластично.

Поэма «Сосна» впервые была опубликована в «Ульяновской правде» в первой половине января 1957 года. В этом же году издательство «Советский писатель» издало первый сборник стихов Александра Никифорова, основу которого составляла поэма «Сосна».

Первый сборник стихов поэта, тепло встреченный критикой и читателями, свидетельствовал о том, что к читателю вышел сложившийся художник — со своей, только ему принадлежащей мыслью, со своей, именно ему присущей интонацией, со своим голосом, который не спутаешь с другими в многоголосии современной лирики.

В поэзию Александр Никифоров принес зрелые впечатления пережитого, отличное знание народной жизни, высокую гражданственность. Подтверждением этого являются поэмы «Сосна» и «Кереметь-гора», в которых поэт словами точными и жгучими рассказал о трудовом подвиге женщины-крестьянки в сороковые роковые и послевоенные годы. А подвиг этот приравнивается к ратному подвигу. Не за страх, а за совесть работали женщины на колхозных полях. И на их же плечах лежали заботы о воспитании детей — своей смены.

Вот как говорит Александр Никифоров в поэме «Кереметь-гора» о матери героя-космонавта Андрияна Николаева Анне Алексеевне:

Да, судьба, сказать душевно,
И не выдумать лютей...
Вспомни, Анна Алексевна,
Как ты билась за детей.
Ты глава семьи, доярка.
Денег нет, а жизнь крута.
От забот-раздумий жарко,
А детей — четыре рта.
И себе не будешь рада,
Ну, прокормишь как-нибудь,
А ведь им и в школу надо,
Надо всех одеть, обуть.

Поэмы «Сосна» и «Кереметь-гора» — произведения глубоко народные и по своей внутренней сущности, и по своей фактуре. Поэт поднимает в них большой, глубинный пласт жизни народной. В этих поэмах индивидуальные судьбы людей органически переплетены и неразрывно связаны с важнейшими общественными событиями, с жизнью всей страны. Тяжкие беды военного лихолетья тогда были для всех общими, общенародными. У А. Никифорова судьбы его героев — это судьба народная. В типичных, характерных судьбах Анны Алексеевны и Ольги Николаевны поэт отобразил и запечатлел эпоху, время.

Подлинной народностью отмечен язык поэм. Простой и вместе с тем живописный, сочный. «Сосна» и «Кереметь-гора» — это большой качественный скачок в творчестве Александра Никифорова. Они занимают важное место в творческой биографии поэта. Это как бы рубежные вехи на его творческом пути. Эти поэмы, особенно «Сосна», неоднократно переиздавались и принесли поэту широкую известность.

Лишь четверть века отвела Александру Никифорову судьба на поэтическое творчество. В мае 1975 го-

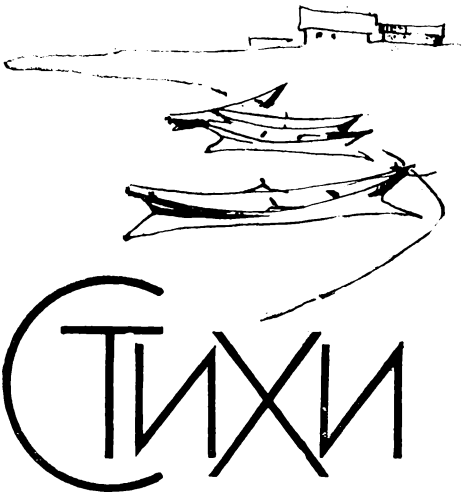
да он внезапно скончался. Ушел в расцвете творческих сил, не успев реализовать и малой части своих замыслов. Но то, что им написано, ставит А. Никифорова в ряд известных советских поэтов.

Многие стихи А. Никифорова из его сборников «Сосна», «Глоток воды», «Угловые камни», «Лебяжье озеро», «Листья живут корнями» — это емкий рассказ о человеческих судьбах. Поэтическому дарованию Александра Никифорова свойственна гражданственная лирика, лирика с глубоким анализом, образностью и широтой отображения тех или иных явлений жизни. Своими стихами и поэмами Александр Никифоров борется за высокие, благородные дела, светлые мысли и чувства. Все творчество поэта-гражданина, поэта-лирика проникнуто жизнеутверждением, любовью к народу.

Поэзия Никифорова — поэзия беззаветной любви к родной земле, к Волге-матушке. И эта любовь проходит через все творчество Александра Никифорова. О Волге и волгарях он пишет от всего сердца, с полной отдачей своих душевных сил.

Стихи волжского цикла светлы и ясны, написаны умно, мягко, лирично. Они дают пищу для глубоких раздумий. Автор сдержанно и прочувствованно открывает сложный и красочный мир волгарей, самых обыкновенных, рядовых сельских тружеников. Они героичны в своей повседневной, такой обыденной и такой необходимой работе. Нельзя не полюбить этих людей, нельзя не поклониться им низко за их верность земле, сыновнюю преданность ей. Автор поднимает важный вопрос о нравственном воспитании трудом. Стихи эти отличает мягкий лиризм и гражданский пафос. И это обстоятельство вселяет уверенность, что читатель отнесется к стихам А. Никифорова с заинтересованным вниманием и благодарностью.

Андрей Царев


СТИХИ

ОТ ОДНИХ КОРНЕЙ

Был Октябрь —
Семнадцатый год...
Смольный...
ЛЕНИН...
Гроза у причала.
Это был долгожданный взлет.
Взлет, всему положивший начало.

Наши корни уходят туда.
Днепр,
Магнитка,
И волжские шири,
Звездный лайнер
Ту-104,
И целинных работ страда,
И в огнях обжитой Сибири
Новорожденные города,
И ракеты, взмывшие круто,
И победы грядущих дней,
И фонтаны, и залпы салютов —
Все идет от одних корней.

В ДОМЕ УЛЬЯНОВЫХ

Говорите кому другому,
Что нельзя волноваться до слез...
Я пришел поклониться дому,
Где Ильич родился и рос.

Всплыло в памяти ярче и резче
Все, что читано... Вот свеча,
Книги, стол... Словом, все тут вещи
Помнят с первых шагов Ильича.

Я смотрю, ничего не трогая,
Осторожно делаю шаг.
Тишина тут — такая строгая —
Легким звоном стоит в ушах.

Веет детством далеким Ленина.
Я в раздумье стою у окна.
Небывалое ощущение
Подарила мне тишина.

Снег идет за окном пушистый,
Густо белый ковер стеля,
Мне же чудится: в синь лучистую
Устремилась сама земля,

ДОМ В КУЗЬМИНКАХ

В Кузьминках, под Москвою,
Есть двухэтажный дом.
Ильич писал когда-то
Большую книгу в нем.

А вот по этой стежке
Он выходил на пруд,
Среди высоких сосен
Обдумывал свой труд.

Давно пройдет, бывало,
Полночная пора...
И лишь одно оконце
Не гаснет до утра.

Ложатся веско строки
На гладкие листы
Прямой дорогой к счастью
Из горькой нищеты.

Он знал умом великим
Еще в тот давний год
О том, что вся Россия
Его путем пойдет.

В Кузьминках, под Москвою,
Есть двухэтажный дом
С доской мемориальной...
И бор шумит кругом.

Среди старинных сосен
Легко и хорошо.
И кажется, что Ленин
Вот только что прошел.

ВОЛГА — РОДИНА

Песня

Сколько раз я на привале
Посреди чужих полей
Вспоминал родные дали,
Дали родины моей,

Деревеньку по-над яром,
Волги-матушки простор...
Видно, я, друзья, недаром
С Жигулевских синих гор.

Великан-утес угрюмый
Там стоит, в моем краю,
Где когда-то Разин думал
Думу вольную свою.

Жигули мои родные,
К вам лечу, лечу душой.
Оглядеть бы всю Россию
Мне с горы, горы большой.

И послушать у разлива
В полночь песню соловья...
Край любимый, край счастливый,
Волга, родина моя!

* * *

Над Волгой голосит пурга,
Она сурово хмурит брови.
И пеной хлещет в берега,
Трубит, упрямая, в дуброве.

Спешит пурга: живей, живей!
Но нет уж зимнего разгула...
В былой Симбирщине моей
Весна полотна развернула.

Сверкает, искрится ветла —
Причудливый стеклянный слиток,
Гремит на улицах села
Морозный скрип шагов, калиток...

Но утром прозвенит капель,
Голубизна раздвинет дали,
Зеленой кепкою апрель
Махнет с разбуженных проталин.

И жигулевская волна
Плеснет, раскачивая льдины...
Откуда к нам пришла весна?
Возможно, с волховской плотины?

Весна в садах и на полях
Идет в платке прозрачно-алом...
И верится, что в Жигулях
Она берет свое начало.

СОРИНКА

Старый мастер что-то хмурит брови,
А ребята в цехе говорят:
— Что не весел, Михаил Петрович?
— На покой уходишь. Иль не рад?

Всюду добрые, родные лица...
А старик платочком трет глаза,
По щеке его слеза катится.
Да, слеза.
А почему слеза?

По каким, спрошу я вас, мотивам,
Словно дымкой, взор заволокло?
Видно, расставаться с коллективом,
С цехом расставаться тяжело.

Он друзьям смущенно объясняет,
Немудреный так ведет рассказ:
— Я иду... А дворник подметает...
И соринка, понимаешь,— в глаз.

Осерчал я: «Мог и переждать бы,
Иль не видишь — человек идет?»
Ну, а он: «Все заживет до свадьбы,
Все как есть до свадьбы заживет.

Извини, раздумался не в меру,
Ничего не вижу, сам не свой:
Ухожу, браток, в пенсионеры
И прощаюсь навсегда с метлой».

«Вот беда!» — смеюсь. И, так некстати
Ухмыляясь, перед ним стою.

«Ты, я вижу, просто обыватель,
Где тебе понять печаль мою.

Знаешь, сколько тут идет народу:
Тот — ковать, другой — варить металл?
Это люди моего завода,
Я для них дорогу подметал».

Понял я во здравом рассужденье:
До чего он прав, тот ветеран!
У меня ж иное положенье,
Там — метла, а тут — прокатный стан.

Мне ясна его печаль святая.
Вот и я покинуть должен вас...
Да. Иду, а дворник подметает...
И соринка, понимаешь,— в глаз.

ЛЕБЯЖЬЕ ОЗЕРО

Не знаю, кто назвал его Лебяжьим,
Должно быть, фантазер и чудодей.
Ведь тот, кто имя дал ему, он даже
Здесь и во сне не видел лебедей.

Иль, красоты иной не зная в мире,
Провел тут много дорогих минут?
Иль терпеливо ждал из дальней шири:
Вот прилетят, вот к лодке подплывут.

Со стороны степей — луга вплотную,
А тут осока, чакан, синь небес...
И, глядя в эту сказку водяную,
Немного к Волге потеснился лес.

Я здесь когда-то, разомлев от зноя,
С разбегу в воду синюю нырял...
Когда-то нам водить коней в ночное
Колхозный конюх часто доверял.

Я мог любую променять забаву
На лунный блеск в росе, на острый мыс,
Где, с фырком щипля сочную отаву,
Стреноженные лошади паслись.

Здесь мы, сложив нехитрую поклажу,
Под стогом шумный разговор вели...
Горел костер за озером Лебяжьим,
И чья-то песня слышалась вдали.

Горел костер. А по воде озерной
Стелился плоским облаком туман.
Нас окружал глубокий и просторный
Воздушный, лунный, вечный океан.

Мы зарывались в стог на случай ветра.
Горели звезды крупные во мгле.
А наше детство согревалось щедро
Живым огнем, горящим на земле.

Прошли года.
Нет, кажется, столетья
Уже промчались, пронеслись с тех пор.
А лебеди плывут. И светит, светит
Там, за Лебяжьим озером,
Костер.

БАКЕНЩИК

Каждый год, как схлынет половодье,
Строит он землянку у реки.
Тесную землянку. А угодья
У него, как в сказке, широки.

И зачем ему нужны хоромы?
От дождя и зноя есть приют.
А сучки, крючки, как полки дома,
Старику удобства создают.

Он впотьмах повесит без помехи
Сумку с пирогами на сучок.
Черту невдомек, в какой застрехе
Он томит свой крепкий табачок.

Все хозяйство поручив собаке,
В лодку сядет, захватив блесну.
В сумерках зажжет на Волге бакен,
Синюю промерит глубину.

На рассвете пламенеют воды...
Чу! Гудок раздался над рекой.
Капитан заметит с парохода —
Уважительно махнет рукой.

Плот проходит — бревна в три обхвата,
На плоту гармоника поет.
Хорошо здесь. Волга всем богата,
И привольно бакенщик живет:

На обед уху такую сварит —
Просто объеденье, не еда;
Иль стерлядку свежую зажарит —
Вы такой не ели никогда...

Здесь, на этом месте, будет море.
Закружат снежинками вдали
Стаи белых чаек.
На просторе
Поплывут морские корабли...

И однажды старика спросили:
— Вот дела какие, дед Василий:
Будет море, снимут бакена,—
Что ты станешь делать, старина?

Старый дед не отвечает долго.
Неподвижен, как из бронзы слит,
Словно великан, стоит над Волгой
И тихонько трубочкой сопит.

Кто-то молвил:
— Это безусловно,
Скоро морем станет Волга-мать.
Ну, а дед, бригаде рыболовной,
Полагаю, сможешь помогать.

А старик, с лукавинкой во взоре,
Дал ответ:
— Ты, парень, не шути,
Будет море — что ж,
Пойдем на море
Кораблям указывать пути.

ЧЕРЕМШАН

Стою один на берегу
И все чего-то жду...
А сосны старые — в снегу.
А Черемшан — во льду...

За Черемшаном, за рекой,
Вдали горит окно...
Что значит на душе покой?
Покоя нет давно!

Идет зима, гудят леса,
И клонится лоза.
Мне снится русая коса
И серые глаза.

Из черемшанской синевы,
Улыбкою маня,
Сняла ромашку с головы
И бросила в меня.

Потом со смехом уплыла
По речке голубой
И словно сердце отняла
И унесла с собой...

Стою один на берегу
И все чего-то жду...
А сосны старые — в снегу.
А Черемшан — во льду.

ШУРА, ГОЛУБИ ЛЕТЯТ!

Шура, в небе вьются птицы!
Шура, голуби летят!
На деревьях у пшеницы
Листья звонко шелестят.

По рябиновой аллее
Молча бродим, не спешим.
Шура, мы с тобой взрослеем,
Шура, что же мы молчим?

Как сказать, что я тоскую,
Что люблю глаза твои?
Шура, голуби воркуют,
Шура, это от любви.

Хорошо бродить полями,
Где рябины встали в ряд.
Шура, сизые над нами,
Шура, голуби летят!

БОГАТСТВО ДУШИ

Дядечкой зовите иль папашей —
Я вполне для этого созрел.
Не хвалитесь молодостью вашей,
Ведь и я не слишком постарел.

Время обошлось со мной не грубо,
Одарило, и не без щедрот:
Расшатало, раскрошило зубы
И металлом наполняет рот.

Пусть задребезжит немного голос —
Я не против, коль пришла пора.
На моих висках не просто волос —
Нити жемчуга и серебра!

Кто-нибудь тебя похвалит кстати,
Кто-то скажет: «Вот идет орел!»
Не гордись! Ты много ли утратил?
Много ли ты в жизни приобрел?

Поднялся хоть раз ты над преградой,
Восторгаясь, плача и кляня?
Сокровенным чем-нибудь порадуй...
Ну, а нет, так не взыщи с меня!

Потерпи. За горным перевалом,
Там, где догорят мои лучи,
Подведу тебя к моим подвалам
И отдам тяжелые ключи.

Отпирай любой! В любом подвале
Ты найдешь и черпай хоть ведром
Все мои восторги и печали —
Жемчуг вперемешку с серебром,

МАТЬ

Если б лечь тебе,
Сомкнуть ресницы —
Проспала бы сутки напролет.
Но куда там!
Только сон приснится —
Твой мальчонка вдруг его прервет.

И опять ты поднялась с постели,
Напеваешь «баюшки-баю»
И глядишь, склонясь у колыбели,
На кровинку теплую свою.

Вот ты различаешь понемногу,
Как за далью в двадцать зимних стуж
Кто-то там выходит на дорогу,
По которой уходил твой муж.

Да не твой ли это сын любимый
Повзрослел и вышел за порог?
Перед ним простор необозримый,
Сотни неисхоженных дорог.

Дальние пред ним проходят страны.
Где уж там напишешь письмецо!
Бьют его седые океаны
Брызгами соленными в лицо.

Только иногда радиограмма,
Словно солнце, озарит твой кров:
«Здравствуй, мама. Успокойся, мама.
Не волнуйся, мама, я здоров».

Где он там? Почем ему фунт лиха?..
...Далеки тревожной славы дни.

За окном темно и очень тихо.
Твой сынок уснул.
И ты усни.

Ночь твоя парит в раздумье строгом,
Голубым не шелохнет крылом.
От тебя потребуется много,
Чтобы твой орленок
Стал орлом.

БУЛГАРСКИЕ СТЕПИ

Может, стану совсем нелюдимый,
Будто век никому не знаком...
Часто грезится берег родимый,
Где мой дождь пробежал босиком.

Где цыплята галдят о наседках,
Бьют крылом синеву журавли,
И воробышки дремлют на ветках,
Как живые комочки земли.

Где поют в проводах ураганы,
И тоскует бурьянный репей,
И хранят свою тайну курганы
Над полынью булгарских степей.

Эти степи над Волгой пространны...
На молве, на любви, на крови
Расцвели в синеве первозданной,—
В эту синь хоть ныряй да плыви.

Разве тут проплывешь нелюдимо,
Если с каждой былинкой знаком?..
Вот поля, вот и берег родимый,
Где я в дождик бежал босиком!

ЧЕТЫРЕ КАМНЯ

Братьям Николаю и Василию

Уж нет избы, что так была близка мне.
На этом месте пролегла тропа.
Все заросло, лишь угловые камни
Из-под земли торчат, как черепа.

Четыре камня.
Вот и все наследство,
Забытое в утоптанной золе.
Они мое поддерживали детство
В дремотно-тихом избяном тепле.

Над ними редко смех звучал и пенье,
Над ними не один бедняк зачах...
Четыре камня
С каменным терпеньем
Все вынесли
На каменных плечах.

БАБЬЕ ЛЕТО

Неторопливо, как по Волге льдины,
Плывет по небу облаков гряда.
И бабье лето тянет паутину
Неведомо откуда и куда.

Дрожит-мерцает капля дождевая
На ягоде, окрашенной в рубин.
И нежный ветер дышит, согревая
Оранжевые лапушки рябин.

СНЕГИРЬ

Еще белым-бело на белом свете,
А уж снегирь — на удивленье мне —
В рубахе красной, в бархатном берете
И с пестрою крылаткой на спине

На ветку сел почти над самой кошкой —
Сильнее страха вешний пыл в крови —
И потихоньку на губной гармошке
Наигрывает что-то о любви.

Снег по карнизам липнет мокрой ватой,
Сосульки кровля держит на весу.
И снова, сочной зеленью чреваты,
Вспухают почки в Зюзинском лесу.

Играй, снегирь, отходную морозу!
Цветенье нам с тобой сулит заря...
И я смотрю, как на живую розу,
На красную рубаху снегиря.

ВСТРЕЧА

...Все улеглось, забылось, миновало.
А может быть, запало глубоко...
Но вот твой муж спустился с сеновала,
Идет ко мне, шагая широко,
Протягивает руки для объятья:
«Каким, мол, это ветром занесло?
Ведь мы с тобой — ты не забыл? —
Как братья...
Надолго ли пожаловал в село?
Пойдем-ка в дом!..
Да вспомни, как, бывало,
Мы вот за нею, ты да я, вдвоем...
Но между вами кошка пробежала,
А я сватов заслал, и вот — живем!
И ничего живем. Живем — не тужим.
Жизнь хороша, не надобно иной!
Она, моя краса, довольна мужем,
А муж доволен собственной женой.
Вот так-то, брат.
Садись, жена, поближе,—
По чарке выпьем да еще нальем!»
И ты цветешь... А я смотрю и вижу,
Что все, что было, поросло быльем.

СИНИЦА

Мне однажды невесело стало,
Был не рад голубым небесам.
И с тяжелой душою устало
Я пошел побродить по лесам.

Не ко времени птиц перекличка,
Звонкий щебет на птичьих пирах...
Вдруг ко мне подлетела синичка
И пропела: «Пинь, пинь, тарарах».

А потом упорхнула куда-то,
Скрылась в чаще зеленых ветвей.
Но от возгласа крошки пернатой
Как-то сердце забилось живей.

Как-то стало теплее и проще,
И обиды рассыпались в прах...
Значит, жить надо светлым, хорошим,
Все другое — «Пинь, пинь, тарарах!»

МАТЬ

Последний сын ушел у ней в солдаты,
И каждый сердце уносил у ней.
И с каждою разлукой стены хаты
Пустынней становились и мрачней.
Найдет рубаху — чья она, рубаха? —
Не пахнет сыновьями от вещей...
Забыт и дух мясных горячих щей,
А времечко ползет, как черепаха.
Мурлычет кошка, а в глазах круги...
Мать греет шею кошкой, гладит кошку.
Но скрипнули морозные шаги —
Встает, бежит к студеному окошку.

Кто скажет, сколько в сутки спит она,
Тая в душе надежду и тревогу?
А все ночами смотрит на дорогу
В зрачок заиндевевшего окна.

* * *

Пшеницей спелой пахнет аппетитно...
Вдали блеснула Волга, мать-река...
Я жажду утолил на взвозе Вытном
Из светлого, как слезы, родника.

В нем по-хозяйски заменили сруб:
Рачительный народ у нас в деревне...
А воздух зноем напоен, и древний
Меня под тень заманивает дуб.

Передо мной раскрыт зеленой книгой
Высокий лыч, как лоб, бугрист и крут.
Я здесь подпаском выходил на выгон,
Неся через плечо ременный кнут.

Калина, помню, горькая цвела,
Заря краснела, и дымили трубы...
Когда цветет калина — нет тепла
И хочется зарыться в мякоть шубы.

А шуба здесь. Ведь мать идет со мной,
Мы на гору бредем зеленым садом.
Она вздыхает за моей спиной
И смотрит на меня печальным взглядом.

А вот и степь. На дне заросшей ямы,
Пока не показались табуны,
Я сплю под шубой на руках у мамы,
Досматривая прерванные сны.

Мне было восемь в первый год труда,
Но этих лет и для подпаска мало.
Вот потому-то мать меня тогда
Будила, провожала, согревала.

Я детских лет нисколько не кляну,
Они прошли на пастбищах равнинных,
Где полюбил я волжскую луну,
Огромную, всю в песнях соловьиных.

Глядишь, бывало, а она в ночи
Серебряные стрелы мечет, мечет...
И где-то голос подает кузнечик,
Как будто с треском падают лучи...

Уродливый и темный сухостой
Цеплялся за рукав, поздней — за стремя...
Как далеко оно осталось, время,
Задернутое дымкой золотой.

БРАТУ

Ты не жди меня к обеду
На румяные блины.
Вряд ли я к тебе приеду
В пору красной бузины.
В дни, когда по русским селам
Веет духом спелых сот.
В дни, когда рукой веселой
Август яблоки трясет.

Не броди у сеновала,
Не кручинься, не жалей,
Что давно откуковала
Птица юности моей.
Крик тревожной перепелки,
Словно радостная весть,
Манит в Паньшинские колки:
Там орехи, бают, есть,—

Можно рваться к милым хатам,
Да велик ли интерес?
Над Лебяжьим, Иловатым
Не шумит зеленый лес.
Где поемные просторы,
Красный тал и зелен луг?
Море есть, а где озера?
Все затоплены вокруг...

Ну пойдешь в овраг Медвежий
По грибы... А то куда ж?
Ну подашь рыбешки свежей,
Раков, может быть, подашь...
Где среди дремучей влаги
Тот заветный островок,

Где мой линь из-под коряги
Нежно двигал поплавок?

Искупайся, поплыви-ка,—
Плес-то больно неглубок!
Где груздочки, ежевика,
Красный дуничка-грибок?

Расплеснулась синь речная!..
Что же плачу я, седой,
Будто мать моя родная
Задохнулась под водой?..

Так что ты не жди к обеду
На румяные блины.
Вряд ли я к тебе приеду
В пору красной бузины.

1972 г.

ЗОЛОТО

И внемлет арфе серафима
В сияющем ужасе поэт.

А. Пушкин

Моя душа не так щедра,
С краев уже надколота.
Ни меди в ней, ни серебра,
Осталось только золото.

И я бренчать бы тоже мог,
Из кожи лезть, вызвенивать,
Да на дешевенький шумок
Мне жаль его разменивать.

А скопидомство — благодать:
Копи и днесь и присно.
Тут Еву из ребра создать
Нам на роду написано.

Транжирить музы не велят.
Терпи, дрожи от стуж, а сам
Молчи, покуда не объят
Сплошным священным ужасом.

А он придет.
Пусть лишь мелькнет
За дымкой, как за пленкою,—
И вот тогда пущу я в ход
Свою монету звонкую.

1968 г.

ПОСЛЕ БАНИ

Мамка парила так, что вишней
Я краснел... Горше нет беды!
И ругал я ее «мамишней»,
И орал я на все лады.

Вытирая меня полотенцем,
Когда был я кусаться готов,
Называла Христовым младенцем
(Это я-то — младенец Христов!)...

Да и позже не снилось мамочке,
Как по Азиям я колесил
Без Христа: он мне был «до лампочки»,
Ни о чем я его не просил.

Выжить мне помогли Ташкенты —
Эти хлебные города...
Да святятся дорог моих ленты
И дорожных столбов гряда!

Паровозик пыхтит, а тащит,
Рельс блестит, как стальной кинжал...
Что за прелесть — собачий ящик!
Я не раз на нем возлежал.

Мельтешат частоколом шпалы,
И прохладные ветры мчат.
У меня за щеками впалыми
Сумасшедшие зубы стучат.

Вот душа.
Говорить излишне,
Как велик с нее вечный спрос...

Никакой на земле всевышний
Эту душу судить не дорос.

Не росток в огородной лунке,
Не сверчок, чтобы знать шесток,
Я не знаю ходить по струнке,
А с жестокими — сам жесток.

Не люблю ловкачей двуликих:
Мне милее Иван-простак...

Вон колеса стучат на стыках:
Токо так!
Токо так!
Токо так!

* * *

Матери, Пелагее Тарасовне

Я не нашел твоей могилы, мама!
Здесь все надпробья, все кресты спилили
И растащили на дрова... Кого
Нагрела ты теплом своим последним,
Мама?

«Последним» я сказал? Ты мне прости:
Тепло твоей души всегда во мне,
Я пронесу его сквозь все невзгоды.
И если есть в моих стихах горенье,
Мама,

И если я согрел людские души —
И растопил в них наледь отчужденья,
То их согрел я все твоим теплом,
И, стало быть, конца ему не будет...

* * *

Как небесная синь, широка и светла,
Меж лесов и степей Волга-мать пролегла.

От истоков ее до каспийской волны
Песни многих и дружных народов слышны.

Там я с детства люблю каждый солнечный плес,
Каждый желтый обрыв и замшелый утес.

Но всего мне на Волге родней и милей
Очертанья зеленых моих Жигулей.

Там на поймах озерных прозрачна вода.
Там оставил я сердце свое навсегда.

В БОЛЬНИЦУ

Раисе Николаевне Белоуховой

Ты разболелась,
Что тут скажешь?
Выходит, не сумел сберечь.
Я как-то и не думал даже,
Чтоб ты могла в больницу лечь.

Как ты не думала когда-то,
В ту давним-давнюю весну,
Что стану снова я солдатом
И всю насквозь пройду войну.

Мы верной шли с тобой дорогой,
Делили радость и нужду.
И ты меня ждала с тревогой,
И я тебя с тревогой жду.

Весна. Тепло и многолюдно.
И как же нам не повезло!
Тут без тебя
Ребятам трудно,
А мне
И вовсе тяжело.

Догляд всегда за ними нужен.
Кого найдешь тебе взамен?
Меньшой наш бегает по лужам,
Приходит мокрый до колен.

Нет, без тебя нам жить не сладко,
И дел у нас невпроворот,
А в доме нет того порядка,
Да и у пищи вкус не тот.

Ты долгожданною помогой,
Опорой к нам вернешься в дом.
Ты нас всегда ждала с тревогой,
И мы тебя с тревогой ждем.

ВОРОБЫШКИ

Ни зависти, ни злобушки...
Вы тучкой изо ржи,
Воробышки, воробышки,
Летите вдоль межи.

И к солнышку от хлебушка
Ненастной тучкой ввысь,
На небушко, на небушко
Вы дружно поднялись,

Как по дороге в горушку...
И я туда хочу!
Вы киньте мне по перышку —
Я с вами улечу.

Вот тут капели капали,
Тут комарье и гнус...
Вы все вернетесь на поле,
А я уж не вернусь.

Мой отблеск в речке розовый
Давным-давно потух...
Подай мне сок березовый,
Подай сосновый дух.

У звезд и полумесяца
Кузнечиков душа
Волнуется и бесится,
В росинках мельтеша.

А поутру воробышки
Как память той межи...
Ни зависти, ни злобушки,
Лишь тучка изо ржи.

13 августа 1973 г.

НЕЗАБУДКА

Сказал: «Прощай! Коль я не тот,
Пускай другой приглянется».
Я думал — все легко пройдет...
Не знал, что все останется...

Твои слова я не пойму:
«Еще не все потеряно.
Я не согласна потому,
Что чувство не проверено».

Дала б какой-нибудь ответ,
В сетях запутав сокола.
Сказала б «да», сказала б «нет»,
А то — вокруг да около...

Я ухожу как во хмелю,
Потом иду обратно я.
За что, за что тебя люблю,
Такую непонятную?..

Но вот возьми тебя забудь,
Совсем-совсем нечуткую.
Как будто книгу взял я в путь,
А книга с незабудкою.

* * *

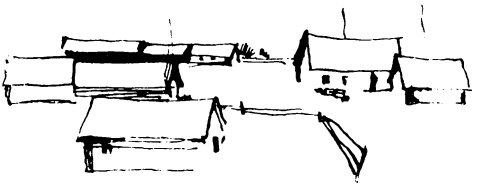
Сошли снега, подсохли водостоки.
Молоденькая травка в рост пошла.
Вокруг стола на солнечном припеке
Пенсионеры режутся в «козла».

Удар сплеча костяшкой скор и звонок,
Смешкам и подковыркам нет конца.
Тут каждый веселится, как ребенок,
Ликуют размягченные сердца.

Тут, кажется, и свет сошелся клином
На домино. Тут шумно и тепло.
А все, что было в Праге, под Берлином,
Куда-то отступило, отлегло.

Покоя все ждала душа живая,
И вот он наступил в конце концов...
Удар. Удар! И юность трудовая
С улыбкою взирает на отцов.

23, март, 1964 г.



ПОЭМЫ

СОСНА

Памяти брата, Петра Михеевича Никифорова, павшего смертью храбрых в битве с немецкими фашистами

У нас в селе была сосна.
С высокой темной кроной.
И любо вспомнить, что она
Всегда была зеленой.

Зима ль стоит вокруг сосны
И снег сверкает синий —
У ней же прозелень весны
Уже глядит сквозь иней.

Сугробы целые снегов
Держала в колких лапах.
Вокруг нее на сто шагов
Стоял сосновый запах.

Росла на холмике в саду,
Стройна в грозу и вьюгу.
У всей округи на виду,
Одна на всю округу.

Росла и удивляла взгляд.
С каких лесных окраин
Ее в свой тихий бедный сад
Принес чудак хозяин?

Не знаю, при каком царе
В глубоком захолустье
Он вырыл ямку на бугре
И посадил тот кустик.

Шли годы.
На глазах села,
Поднявшись горделиво,
Моя сосна переросла
И яблони и сливы.

Она тянулась без помех
Все выше год от году.
Тревожней всех
И громче всех
Шумела в непогоду.

Бураны били в грудь ее,
И лишь тогда устало
На одиночество свое
Она в саду роптала.

В бору деревья, что стена,
Сплотились дружно, слитно,
А тут она
Всегда одна,
И, значит, беззащитна.

И как тут было не роптать?
Как не пенять на вьюги?
Кого найдешь тут ей под стать?
И где ее подруги?

Зайдут ли к ней в такую даль
Сородичи? Едва ли...
У нас в селе ее печаль
Девчата понимали.

Бывало, как придет весна,
Зазеленеют всходы,

Бывало, как блеснет луна,
Девчата — в хороводы.

И запевают дружно, в лад:
«Ой, сторона-сторонка!
В лесу, говорят,
В бору, говорят,
Растет, говорят, сосенка».

Родная с детства сторона,
Родные сердцу были...
У нас была одна сосна,
И ту в войну срубили.

А было так.
Пришла война,
Мужчин на фронт призвали.
Осиротела сторона
В тревогах и в печали.

На нивах — женщины одни,
Да старики, да дети...
Порой казалось, что они
Одни на целом свете.

Пришла война, позвал народ —
Вставай на подвиг славный!
И дом покинул в свой черед
Муж Ольги Николавны.

Оставил четверых ребят
И, обнимая Олю,
Сказал:
— Коль не вернусь назад,
Ищи другую долю.

Не знаю, что там ждет в пути —
Та участь иль иная...
А коль обидел чем,
Прости.
За все прости, родная!

Когда он, чем обидеть мог
До смерти дорогую?
Со школьных лет ее берег,
Ее, а не другую.

Он на глазах у Ольги рос
И становился дюжим.
И даже много перенес
За право быть ей мужем.

Бывало, чуть сгустится мгла
Над тихим волжским плесом,
Уж у него трещит скула
Иль кровь бежит из носа.

Иной завистник мстил ему,
Не разбирая правил...
Зато и он не одному
Фонарь под глаз поставил.

Я помню свадьбу...
На виду
Она, невеста-зорька,
Сидела в сладостном чаду,
И все кричали: «Горько!»

Сидела, радуясь, лучась,
Не думала, хмельная,
Что скажет он в тревожный час:
— За все прости, родная.

Мы покидали наших жен,
Но мы вернулись снова.
А он в атаке был сражен
И в землю наспех положен...
Метелью был оплакан он
У древнего Белева.

...Идет январь.
Трещит мороз.
В избе дрожи от стужи,
В избе тебя проймет до слез.
А что же там, снаружи?

Скажи — заледенел весь мир.
Конец всему живому.
Но вот заря.
И бригадир
Идет от дома к дому.

Щеколдой звякнул раза два
И постоял неловко.
Потом сказал:
— Жива,
Вдова?
Озябла Русь,
Нужны дрова.
Пойдем на заготовку.

Вставай, вдова.
Нужны дрова.
А для своих детишек
Налей по кружке молока,
Оставь им хлеба два куска...
Да не буди их, тише!

Валюша с Лидой
На печи.
Укрыты чем попало.
Под ними стынут кирпичи,
А дров —
Как не бывало.

Хозяйка смотрит из окна.
Морозный час рассвета.
А за окном,
В саду,—
Сосна,
Как серебром одета.

Вдова, не дожевав кусок,
Торопится к порогу.
И ногу — в валяный сапог,
В другой — другую ногу.

Вот шалью кутает теперь
И голову и шею.
Надела шубу.
Вышла в дверь.
И мы пойдем за нею...

Как много снегу намело
В прибрежные чащобы.
В крутых ветвях белым-бело,
А по земле — сугробы.

Весь день до голубой поры
Тут нынче людно было.
Стучали звонко топоры,
Жужжа, дышали пилы.

У стариков потели лбы,
У баб краснели щеки.
И шумно падали дубы
Врастяжку в снег глубокий.

Вдова рубила злее всех:
Ведь ей забыться надо.
С ветвей срывался жесткий снег
И ей на плечи падал.

Вот рубит час, второй подряд,
Развеяв горечь вдовью.
Подруги на нее глядят
И с грустью и с любовью.

Потом с упреком к ней они
Иль с просьбою несмелой:
— Куда ты гонишь?
Отдохни.
Хоть передышку сделай.

Она послушалась.
Стоит.
Сама не слышит шума.
И в даль туманную глядит
С обычной тяжкой думой.

А слезы сыплются из глаз
Обильно и проворно.
Бегут и застывают враз —
И падают, как зерна.

Собрать бы их
Да так в горсти
В музей Истории снести,
Чтоб говорил экскурсовод,

Припоминая грозы:
Смотрите, граждане,
Мол, вот
Лежат святые слезы.

Домой вернулась —
Дети к ней:
— У нас тут, мама, холодней,
Чем на дворе...
— Мы прямо
Закоченели, мама.

Она опять топор берет.
И по лихой погоде
Глубоким снегом в сад идет,
И вот к сосне подходит.

Заплакал, зазвенел топор,
Ударившись с размаха.
Стоит сосна, глядит в упор
Без воли и без страха.

Пока стоит краса села
И высится над Волгой.
А сколько лет она росла?
Кто знает? Очень долго.

Годам ее потерян счет.
Пусть пошумит, подышит...
Сейчас, сейчас ее в расход
Война навеки спишет.

Пока еще стоит сосна,
Родной округи слава.
Она, как прежде, холодна,
Стройна и величава.

Ее зеленая глава
Как будто тверже, выше...
— А что ж ты делаешь, вдова?
— Хочу согреть детишек.

И то двоих не сберегла:
Болезнь, плохая пища...
И то два гробика снесла
Весною на кладбище.

А муж —
Не каждому чета!
Как вспомню, сердце рвется,—
Вот похоронная.
Читай!
Он больше не вернется.

Погиб Ванюша на войне
Как раз в такую стужу.
И тяжко мне,
И горько мне.
Но я стерплю,
Я сдюжу.

Не о себе тужу, пойми.
Я все прошла.
Все муки.
За мною дочери мои,
За дочерями — внуки.

И сразу дрогнула сосна,
Треща в саду морозном.
Вот пошатнулась.
Вот она
Упала с шумом грозным.

Сосны не стало.
Что ж, зима.
Не осуждайте, люди!
Вдова, я думаю, сама
До гроба помнить будет

Последний тяжкий вздох ветвей
И стон в предсмертной дрожи...
Не так ли ОН упал, кто ей
Был в мире всех дороже?

Да будет ей легко, светло!
В избе как будто расцвело:
Сосна горит и светит.
Нагрелась печь.
Теплым-тепло!
И тает медленно стекло.

...И подрастают дети.

Родные волжские места.
Направо — ширь степная
Румяным солнцем залита,
Ей ни конца ни края.

Я в этой доброй стороне
В любом углу как дома.
Тут лишь одна дорога мне
Как будто незнакома.

— Кто это строил, старина? —
Спросил я старожила.
И он ответил мне:
— Война
Тут рельсы проложила.
Была такая глухомань...
А вот прошла равниной

Дорога Сталинград — Казань,
И расцвела Рябина.

Рябина.
Тихий уголок.
Журавль у колодца.
А вот поди ж ты, минул срок —
И станцией зовется.

Большие поднялись дома.
Сторонушка родная...
Налево — холм.
Вокруг холма
Шумит листва резная.

Село родное под горой
Лежит как на ладони.
И, радуясь траве сырой,
В логу пасутся кони.

Иду, спешу и узнаю
Овраги и пригорки,
Вязовку милую мою
И улицу Озерки.

Тут я встречал приход весны,
Тут песни пел, влюбленный...
Но нет передо мной сосны —
Упал маяк зеленый.

Блестя, уходит Волга вдаль.
Леса, леса за Волгой...
А в сердце светлая печаль —
Упрек разлуке долгой.

Я не могу волненья скрыть.
К родне, простой и славной,
Иду, хочу поговорить
С ней,
С Ольгой Николавной.

Увидеть, как живет она —
Получше иль похуже...
И как справляется одна
С двумя детьми без мужа.

Спешу домой,
Спешу к родне.
Вот жаворонок в вышине
Повис под небесами.
Вдруг слышу голос в стороне.
Смотрю: две девочки ко мне
Бегут и...
— Дядя Саня!
— Мы так и знали...
— Это ты...—
Щебечут две трещотки.
— А мы тебя за полверсты...
— По тятиной походке...
И к горлу подступил комок...
Отец, свое оттопав,
Погиб. А я им не помог,
Я тоже был в окопах.
— А мы сюда в такую рань...
— Теперь идем с работы.
— Ой, дядя Саня, перестань!
— Ну что ты, крестный, что ты...

— Пойдем домой.
— Ведь вот чудной...
— Ну, полно, полно, крестный!..

— У нас сегодня выходной,
Но мы сажали сосны.

— Мы их разводим, как сады,
Смотри!..
И точно — прелесть!
Зеленых ежиков ряды
На солнышке пригрелись...

Пройдут года
За годом год.
И бор в колючих лапах
По всей округе разнесет
Животворящий запах.

И вижу: весело, легко
Двум сиротинкам брата...
А там вон
С песней,
Далеко,
В село идут девчата.

Плечо к плечу.
И мне слышны
Слова их песни новой:
«Мы вместо срубленной сосны
Поднимем бор сосновый».

Они идут за рядом ряд.
Поют легко и звонко:
«В лесу, говорят,
В бору, говорят,
Растет, говорят, сосенка».

Вязовка — Москва, 1955 г.

ВЯЗОВКА

Ой, Вязовка, Вязовка!
Сколько зим, сколько лет...
Показаться неловко:
Нынче стар я и сед.

Но под старость теплее
И озера во льду...
Ведь когда-то в селе я
Был у всех на виду.

Был не в поле обсевок,
Не изношенный в дым
И любил твоих девок,
Когда был молодым.

Были польки и вальсы
До зари в небесах,
Были девичьи пальцы
У меня в волосах.

Где она, ухажерка,
Что с грустинкой в лице?
В Козюлевке, в Озерках
Или в Нижнем Конце?

Ах, была черноброва
И по-детски светла!
А ушла за другого
И детей родила...

Ой, Вязовка родная!
Как он, твой краснотал?..

Я, тебя вспоминая
И тоскуя, мечтал:

Пошуршать бы осокой,
Побродить над рекой,
Тронуть каждый осокорь
Братски верной рукой.

Все роднее, все ближе
Мне цветы на лугу...
Детства радугу вижу —
Расписную дугу.

Любо в добром здоровье
Помечтать у костра,
Малой каплею крови
Напоить комара...

Ах, я трогал руками,
Как Москвы белезняк,
Подорвановский камень —
Древний твой известняк!

И в июльские грозы
Утолял, молодой,
Жажду
С Вытного взвоза
Родниковой водой

Левый берег и правый —
Все в песке золотом!..
Ну, а как там Чернава,
Где я хлопал кнутом?

Где была мне утеха:
Бить по травам земли,

Чтоб трескучее эхо
Грохотало вдали?

Где у заводи лунной
Тих Аленушки стон...
Где струится Раюна
Долом в Черный затон.

Ой, Вязовка, Вязовка,
Перелески, луга!
Ты тепла, как обновка,
И, как синь, дорога,

Ты недолго растила —
Краток первый урок! —
А потом отпустила
В мир за отчий порог.

Ты мне скажешь:
— Пропащий,
На мои огоньки
Приезжал бы почаще,
Так не знал бы тоски!

Что же, сердцу мечталось:
Ты, мол, все ж загляни!
Мол, в Вязовке осталось
Мало близкой родни.

Кто там ждет? Не отвечу.
Запоздалый вопрос...
Слишком много на плечи
Я взвалил и понес.

Наши дни беспокойны,
Мы тревожно живем.

Революции, войны —
Это в сердце моем.

Властно требуют слова
Краткий сон у костра,
Конный корпус Белова
И Кифтойзер-гора...

Много лет неизменно,
До седин старика,
Словно вилами сено,
Ворошил я века.

И звучат они исстари
Всюду рядом со мной,
Как в карманном транзисторе,
За стеной, за спиной...

Как пробить человеку
В толще времени брешь?
Двадцать первому веку
Наступить на рубеж?

Побывать в несказанном?
Заглядеться хоть раз
В голубые глаза нам,
Не рожденным сейчас?

И ответить открыто
На возможный вопрос:
Сколько крови пролито
И проглочено слез?

КЕРЕМЕТЬ-ГОРА

Шоршелы.
Цветет ромашка,
Вьется хмель.
Шумят леса.
Ночью старая чувашка
Молча смотрит в небеса.

Ветлы шепчут ей душевно,
Что у Млечного Пути
Сможет Анна Алексевна
Сына звездочку найти.

Вот появится,
Промчится,
Передав поклон стране,
Светлой,
Сказочной жар-птицей
В недоступной вышине.

Смотрит мать сквозь сумрак ночи
В темно-синие края...
— Добрый путь тебе, сыночек,
Кровь моя, любовь моя!

Сыну шлют привет все страны,
В космос шлют, за облака,
И в деревню Андрияна,
Где бежит Цивиль-река.

* * *

Алексевна вышла рано
За околицу села.
В тихий час зари туманной
Поклониться мужу шла.

На заре она любила
Постоять в тиши одна,
Где над старенькой могилой
Наклонилась бузина.

Вот пришла...
Печаль во взоре...
Скромный холмик перед ней.
— Ах, не дожил ты, Григорий,
До таких счастливых дней!

На Андрюшу люди глянут,
Каждый скажет: «Вот орел!»
Но и ты добром помянут:
Он же весь в тебя пошел.

Сколько песен люди сложат,
Славя нашего орла!
Ты не слышишь, ты не дожил.
Я под старость дожила.

Будь ты жив, так мы б тревоги,
Счастье, радость — пополам...
Ведь Андрюшенька с дороги
Погостить приедет к нам.
Он прославлен целым миром,
Наш красавец, твой и мой,
И его Улып-батыром
Называет край родной.

* * *

Нелегко на сердце старой.
А батыр с Цивиль-реки
На клубок земного шара
Все наматывал витки.

Вот он!.. Вот он красной точкой
В небе движется ночном...
А когда-то в лапоточках
Бегал в поле за бугром.

Или прыгал с сеновала,
Или рано поутру
По орехи в лес, бывало,
Зину звал, свою сестру.

В дни войны в одежде жалкой
Замерзал на холоду...
А однажды на рыбалке
Андриян попал в беду.

Подломился под ногами
Синий тоненький ледок...
Выплыл он, стуча зубами,
Вымок весь и весь продрог.

Шла весна, но в стынь и просинь
Промерзало все кругом...
Андриян лаптишки бросил
Да домой — бегом, бегом...

Истерзал, изранил ноги.
Прибежал, и мать в слезах.
Материнские тревоги!
Росы чистые в глазах!..

Живо баню истопила,
Сына парить начала.
От простуды защитила,
От погибели спасла.

А потом в избушке мглистой
Усадила у стола,
Из муки, не больно чистой,
Две лепешки подала.

— Ешь,— сказала,— дело к ночи,
Сумрак бродит за окном...
Кипятком запей, сыночек,
Да усни счастливым сном.

Мальчик ел, усталый, тощий.
Полз в углы ленивый свет.
И казалось, тех лепешек
Ничего вкуснее нет.

Ах, медку теперь бы сыну!
Ни во сне, ни наяву...
«Ах, Григорий, ты покинул...
Как же, как я проживу?

Ты же был, родимый, в силе...
Скоро сев, идет весна...
Ты лежишь себе в могиле,
А ведь я с детьми одна...»

Да, судьба, сказать душевно,
И не выдумать лютей...
Вспомни, Анна Алексевна,
Как ты билась за детей.

Ты глава семьи, доярка.
Денег нет, а жизнь крута.
От забот-раздумий жарко,
А детей — четыре рта.

И себе не будешь рада.
Ну, прокормишь как-нибудь,
А ведь им и в школу надо,
Надо всех одеть, обуть.

Нет скота, так нет и денег...
Впрочем, есть домашний скот.
За полынный прячась веник,
Ждет мышонка серый кот...

Вдруг негаданно-нежданно
Анне шлет подруга весть:
«Выезжай, не мешкай, Анна,
Под Ижевском деньги есть.

Под Ижевском — загляни-ка
(Не болтай, чтоб знали все!) —
Под Ижевском земляника
Зреет сладкая в росе.

Под Ижевском столько ягод!
Анна, времени не трать.
Под Ижевском даже за год
Этих ягод не собрать...

Нездоровится, мол, Марье...
Отпросись, и ну — ко мне.
Здесь в Ижевске на базаре
Эта ягода в цене».

Мало ль добрых душ на свете!
И неделя не прошла,
А уж ты вернулась. Детям
И сестре Елизавете —
Всем обновки привезла.

* * *

Мать, а вспомнишь ли без боли,
Как месила поутру
Ты картофельное поле
На дожде да на ветру?

Грязь на лапти налипала —
На ногах твоих пуды!
А тебе и горя мало,
Лишь бы выйти из нужды.

Лишь бы выкормить хороших,
Не оставить их в беде...
Мелкий-мелкий, как горошек,
Есть картофель в борозде.

Поле убрано, изрыто,
В поле мертвая ботва...
Наскиталась ты досыта,
Наработалась, вдова.

Ты глядела в землю зорко,
Низко кланялась земле.
Принесли домой ведерко
Мелюзги, сиди в тепле.

Ты в рассветный сумрак серый
Снова выйдешь со двора...
Полных ты таким манером
Накопала три ведра.

И в родном подполье, дома,
На глазах своих ребят
В теплом золоте соломы
Ты укрыла верный клад.

А весною клад ты вскрыла,
Взрыла землю, как могла,
Все, что было, посадила
Да слезами полила.

За водою находилась
С коромыслом на реку.
И картошка уродилась
Больше чем по кулаку.

Листопада мягкий шорох
Замирал в родном селе.
Рос картошки сытной ворох
На утоптанной земле.

Посветлела разом хата,
А картошка в чугуне
Терпеливо ждет ухвата,
Закипая на огне.

И на стол вступила вскоре,
Взвился белый пар над ней...
Ах, не дожил ты, Григорий,
До таких счастливых дней!

* * *

А над Волгой, возвышаясь,
Как спина слона на вид,
Здесь большая-пребольшая
Кереметь-гора стоит.

Молчаливой, что ей снится?
Я не знаю, видит бог...
Здесь промчались вереницей
Сотни, тысячи эпох.
Ледники прошли. И ливни
Отшумели в давней мгле.
Только мамонтовы бивни
Где-то греются в земле.

Отгорели, в вечность канув,
Диких пращуров костры.
И деревья-великаны
Навсегда сошли с горы.

И когда на суходоле
Осень красит листья в медь,
Мчится перекати-поле
Через гору Кереметь.

* * *

Над равниной неоглядной
Голубеют небеса.
Андриян, бывало, жадно
Устремляет вдаль глаза.

Сколько тут зовущей сини!
Весь он синий, белый свет.

Смотрит парень, а России
Нет конца. И краю нет.

Бьется громче, бьется чаще
Львенок-сердце той порой.
И мечта лесные чащи
Поднимает над горой.

Той мечты хорошей ради,
Ради ягодных полян
Стал студентом в Марпосаде
Николаев Андриян.

Первый раз ушел надолго
Из родимого села,
Первый раз родная Волга
Сына властно позвала.

Позвала, чтоб год за годом
Рос, мужал... И чтоб потом
Дельным парень лесоводом
Воротился в отчий дом.

Шла война к концу. И было
Можно думать о лесах.
Перевес за нашей силой
Был уже на всех весах...

И прошли лихие годы.
И, поднявшись круто в рост,
Сын чувашского народа,
Сын советского народа
Головой коснулся звезд.

Снова гордое волненье
Окрыляет весь народ.

Только мать от нетерпенья
Даже места не найдет.

Где он там за ночью сизой?
Сколько видит дальних стран!..
В доме щелкнул телевизор...
Вот он! В кресле.
— Андриян!..

Мать в большом волненье, знамо,
В напряженье вся. А он
Улыбнулся:
— Здравствуй, мама!
Низкий мой тебе поклон.

А она ему:
— Андрюша,—
Говорит, едва дыша.—
Ты меня, сынок, послушай:
Изболелась вся душа...

Мне бы знать: а как ты? Что ты?
Да скрывают как на грех.
И про все твои полеты
Узнаю я после всех.

Там, во мгле пустопорожней,
В одиночку разве жизнь!
Ты уж будь поосторожней,
На орбите удержись...

Ночь-другую потерпи ты,
И минует нас беда.
А не то — сойдешь с орбиты,
Улетишь невесть куда!..

И с мольбой, по-детски прямо,
Горько смотрит на него.
— Ничего со мною, мама,
Не случится. Ничего.

И повел веселым взглядом:
— Посмотри теперь сюда...
Тут со мной Попович рядом,
Вон горит его звезда.

— Вижу, вижу. Знать, не скоро
Ваш закончится полет...
Как тебе одежда, впору?
Как ему, нигде не жмет?..
Как земля-то?
— Загляденье!

Цвет цивильский, голубой...
— В сентябре твой день рожденья,
Пашу к нам зови с собой.
Передай, что приглашаю,
Пусть приедет. Погостить...
Тут большая-пребольшая
Кереметь-гора стоит...

Улыбнулся Николаев:
Пребольшая. Кереметь.
Кереметь не Гималаи,
Невозможно разглядеть...

Впрочем, что же.
Пусть родная
Много меньше Жигулей,
Но ее я с детства знаю,
И она нам всех милей.

Там, когда на суходоле
Осень красит листья в медь,
Скачет перекати-поле
Через гору Кереметь.

И когда вдали за лугом
Отпылает листопад,
Над горою к странам юга
Гуси-лебеди летят.

И она мне часто снится.
И однажды на заре
Я приду, чтоб поклониться
Этой именно горе.

Поклониться виновато
И сказать родной моей,
Что и я мечтал когда-то
Целый лес поднять над ней.

Что не смог укрыть от зноя
В шумной зелени, в цвету.
Что назначен был страною
На другую высоту...

Москва — Шоршелы — Чебоксары

СОДЕРЖАНИЕ

А. Царев. Певец Волги 3

СТИХИ

От одних корней 12
В доме Ульяновых 13
Дом в Кузьминках 14
Волга — Родина 15
«Над Волгой голосит пурга...» 16
Соринка 17
Лебяжье озеро 19
Бакенщик 21
Черемшан 23
Шура, голуби летят! 24
Богатство души 25
Мать 26
Булгарские степи 28
Четыре камня 29
Бабье лето 30
Снегирь 31
Встреча 32
Синица 33
Мать 34
«Пшеницей спелой пахнет аппетитно...» . . . 35
Брату 37
Золото 39
После бани 40
«Я не нашел твоей могилы, мама!..» 42
«Как небесная синь, широка и светла...» . . . 43
В больницу 44
Воробышки 46
Незабудка 47
«Сошли снега, подсохли водостоки...» . . . 48

ПОЭМЫ

Сосна 50
Вязовка 63
Кереметь-гора 67

Александр Михеевич Никифоров

ПОКЛОН ВОЛГЕ

Редактор В. Азанов
Художник М. Гамаюнова
Художественный редактор В. Иванов
Технический редактор Л. Борисова
Корректор В. Антошина

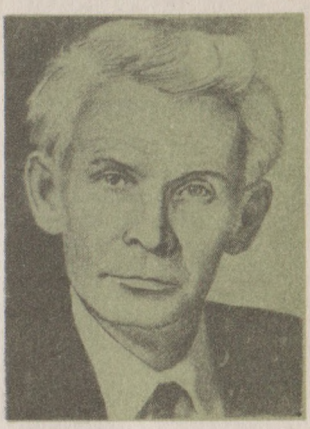
ИБ № 1343

Сдано в набор 06.08.86. Подписано в печать 26.02.87. НГ25105. Формат 70×90$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 2,92. Усл. кр.-отт. 3,22. Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 5000. Цена 25 коп. Заказ 1709.

Приволжское книжное издательство.
Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

25 к.



Александр Михеевич Никифоров (1916—1975) родился в волжском селе Вязовка Ульяновской области. Его детство прошло на берегах великой русской реки, в среде деревенских ребят, отчаянных и даровитых. Затем он служил на Дальнем Востоке. Был участником Великой Отечественной войны, закончил ее на Эльбе в звании гвардии лейтенанта.

Первый сборник поэта, вышедший в 1957 году в издательстве «Советский писатель», свидетельствовал о том, что к читателю вышел сложившийся художник, которого не спутаешь ни с кем в многоголосии современной лирики.

Саратов
Приволжское книжное издательство
1987